

*В.В.Шелохаев,
доктор исторических наук,
Российский независимый институт
социальных и национальных проблем*

Модернизация как теоретико-методологическая проблема

Состояние конфронтационности, в том числе и в исторической науке, — явление для России не новое. После октября 1917 г. победившие сторонники формационно-классового подхода (историки-марксисты) "огнем и мечом" выжигали и вырубали целые направления "дворянской" и "буржуазной"

отечественной науки, утверждая методами насилия "единственно верное" марксистско-ленинское учение о закономерности и неизбежности смены общественно-экономических формаций, а, следовательно, о закономерности и неизбежности октябрьской социалистической революции и прихода к власти большевиков. На протяжении более 70 лет в русле марксистской парадигмы готовились кадры обществоведов. Признавая закономерность смены общественно-экономических формаций, классовую борьбу в качестве "пружины" развития общественного прогресса, революцию как "локомотив истории", представители этого подхода, как правило, другие теории и концепции считали "классово чуждыми", а, следовательно, ложными. Среди отечественных историков было немного тех, кто знал (и разделял) иные теории и концепции исторического развития, делая попытку применить их к анализу конкретно-исторического процесса. Вполне понятно, что в современных условиях освоение и применение новых теорий и методов исторического исследования очень затруднено. Сегодня большое внимание уделяется цивилизационному подходу.

Формационно-классовая и цивилизационная теории — плоды рационалистического западного мышления, аккумулировавшие опыт западноевропейских стран. Успехи западноевропейской цивилизации породили идеи о преимуществах европейского типа исторического развития, который рассматривается в качестве некоего общественного идеала для остальных народов мира. При всем методологическом различии между формационным и цивилизационным подходами их объединяет общая черта — европоцентризм. По существу, и формационный, и цивилизационный подходы представляют собой два варианта рационалистической интерпретации исторического процесса.

Очевидно, что все без исключения подходы вероятностны и исторически ограничены. Поэтому речь может идти о применении для исследования исторического процесса неидеологизированных, открытых теоретических моделей. На Западе подобного рода релятивистские модели уже давно получили права гражданства. К сожалению, отечественные историки до сих пор не избавились от идеологической зашоренности, политизированности и даже партийности. Вместе с тем еще в условиях тоталитарного режима, в рамках марксистской парадигмы, представители нового направления в исторической науке вели достаточно интенсивный поиск путей совершенствования формационной теории применительно к изучению как всемирной, так и региональной истории, в том числе российской. В частности, речь идет о концепциях многоукладности, о теории разных эшелонов исторического развития, синхронности и асинхронности типов развития и т.д., подобные попытки, не

"взрывая" марксистскую парадигму, высвечивали ее узость и одномерность, акцентировали внимание на инвариантности и альтернативности исторического развития. В годы идеологического застоя некоторые отечественные историки высказывали мысль о необходимости своеобразной конвергенции формационного и цивилизационного подходов, что, по их мнению, позволило бы, с одной стороны, отказаться от крайностей марксистско-ленинской теории, а с другой — включить все ценное, что дает цивилизационный подход, не игнорируя при этом других подходов, наработанных мировой исторической мыслью.

Известно, что любые, в том числе и глобалистские теории имеют относительную ценность. Нельзя также забывать, что и формационный, и цивилизационный подходы неприменимы в прямой форме при изучении внеевропейских цивилизаций. Они требуют учета особенностей локальной истории, переломных исторических периодов, национально-культурного развития отдельных народов и государств.

Исследователь вправе выбрать любой из существующих подходов либо сам разработать собственную концепцию, лишь бы она способствовала продвижению исторического знания. Одним из таких подходов к познанию исторического процесса является концепция модернизации, которая уже давно используется западными и некоторыми отечественными исследователями для изучения переходных периодов истории. Модернизация в широком смысле слова — это переход от традиционного общества к современному, открытому обществу как в общемировом, так и в региональном масштабе. В узком же смысле слово "модернизация" — это исследовательский метод, подход к изучению исторического процесса.

С точки зрения оптимизации исторического познания модернизационный подход представляется продуктивным в нескольких смыслах: он является открытым для восприятия сущностных элементов других концепций и подходов; он признает вероятность любых вариантов реализации исторического процесса (эволюционный, революционный, комбинированный), а его сторонники далеки от абсолютизации своего метода. Обращаясь к изучению исторического процесса в общемировом, региональном и страноведческом плане, "модернисты" выделяют как синхронные, так и асинхронные типы развития, а также сочетания этих типов, обращают внимание на различную степень интенсивности происходящих изменений в различных сферах человеческой жизнедеятельности, устанавливая взаимосвязи и взаимозависимости между элементами общественной жизни.

Признавая модернизацию как общемировое явление, ее сторонники отрицают ее универсальность. В одних случаях модернизация способствует относительно безболезненному переходу от

традиционного общества к современному. В других она стимулирует нарастание конфликтных и даже деструктивных процессов, приводящих к национальной катастрофе. К числу таких стран относятся и пореформенная Россия, где модернизация началась с опозданием и в конечном счете, разумеется, не будучи первопричиной, стимулировала нарастание конфронтационных процессов в российском обществе.

В разных регионах модернизация имела различные стартовые условия, продолжительность, формы реализации, адаптационную среду и, естественно, результаты. В западноевропейских странах модернизационный процесс занял весьма длительный период, реализовывался, как правило, в комбинированных формах (и эволюционной, и революционной), и основная масса населения, так или иначе, сумела адаптироваться к изменениям. В результате модернизация достигла своей цели: были созданы современная рыночная экономика, гражданское общество и правовое государство. В целом же в западноевропейских странах модернизация явилась результатом более или менее органического развития, отражала общественную потребность в изменениях, что позволило, так или иначе, компенсировать ее побочные негативные стороны.

Иная ситуация сложилась в России, где модернизация была инициирована "сверху", волевыми усилиями верховной власти, весьма болезненно переживавшей поражение в Крымской войне, нанесшей удар по внешнеполитическому престижу великой державы, по личному авторитету монарха. Иницируя модернизацию, власть действовала в духе многовековой традиции: любая инициатива преобразований может и должна исходить от самодержца, который является единственным вершителем судеб страны и ее подданных.

Власть не имела ни краткосрочного, ни перспективного плана преобразований, не занималась экспертной оценкой их возможных последствий. Главным и определяющим было другое: во что бы то ни стало сохранить инициативу и контроль за преобразованиями в своих кругах, не допускать активности "снизу", не говоря уже о возможности привлечения общественных сил к управлению государством. Не осознавая в должной мере смысла и внутренней логики модернизационного процесса, его конечных последствий, объективно ведущих к трансформации существующей политической системы, коренным изменениям в отношениях между властью и формирующимся гражданским обществом, изменениям в сфере отношений собственности, авторитарный режим, хотел он того или нет, закладывал мину замедленного действия, которая рано или поздно должна была взорваться.

Вместе с тем было бы неверно не видеть определенных позитивных результатов инициированной "сверху" модернизации: от-

мена крепостного права, индустриализация, реформа армии и судебной системы, политические преобразования 1905—1906 гг., аграрная столыпинская реформа и т.д. Менее чем за полвека, т.е. в предельно сжатые исторические сроки, в России была создана индустриальная база, в основных звеньях сложилась система рыночной экономики, проявили себя элементы гражданского общества и правового государства. Значительные успехи были достигнуты в области просвещения и в культуре, интенсивно шел рост национального самосознания. И тем не менее в России модернизация не привела к тем результатам, которые были достигнуты в ведущих европейских странах. Более того, модернизация в России обнажила все "болевые точки" общественного развития страны, стала мощным стимулятором противостояния власти и общества, источником политической и социальной нестабильности.

В чем же причины подобного исхода модернизационного процесса в России? Переход от традиционного к современному, открытому обществу является общемировой тенденцией, которая реализуется в самых многообразных формах, проходит различные фазы, включающие и "рывки", и "откаты", и даже определенные "зигзаги". Важна не просто констатация общей тенденции, а выяснение ее региональных или страноведческих особенностей. Необходимо понять смысл "отката" и особенно "зигзага", которые как бы возвращают процесс к исходной точке, заставляя вновь и вновь "проигрывать", казалось бы, уже пройденные этапы.

Обращаясь непосредственно к российскому историческому процессу, следует учитывать совокупность самых различных факторов. Иницируя "сверху" модернизацию, власть в принципе действовала в русле западноевропейского развития. Эта тенденция достаточно отчетливо прослеживается со времени Петра I. Самодержавный режим, будучи одним из самых архаичных в Европе, действовал по европейскому образцу. В то же время авторитарный режим сознательно затягивал не по объективным, а, скорее, по субъективным причинам начало давно назревших преобразований (и прежде всего отмену крепостного права, введение гражданского равноправия). Даже начав реформы, правительство проводило их крайне не последовательно. Власть не смогла подготовить профессиональные кадры, которые должны были стать подлинным "мотором" выработки и реализации необходимых реформ, способных воодушевить общественные силы своей масштабностью, целесообразностью, а главное — ощутимой пользой. У правительства перманентно недоставало финансовых средств, столь необходимых для реализации реформ. Это толкало власть на усиление налогового бремени, что оказывало соответствующее воздействие на население, с неприязнью и ужасом воспринимающее любые эксперименты, идущие "сверху". В традицион-

ном сознании уже давно и прочно сложился стереотип: "новые преобразования — новые налоги". Авторитарный режим подходил К реформам не системно, а выборочно, отдавал приоритет тем из них, которые, по его мнению, должны были прежде всего укреплять государственную мощь империи, усиливать престиж верховной власти. Опираясь на государственный сектор экономики, самодержавие надеялось, что ему удастся в кратчайшие сроки совершить необходимые преобразования, на которые в европейских странах ушли века. Все это, разумеется, потребовало гигантских материально-технических ресурсов, финансовых средств и напряжения народного труда. В результате модернизация в России приобрела спонтанный и скачкообразный характер, осуществлялась волевыми усилиями, без учета реальных возможностей общественного мнения и способности населения адаптироваться к быстрым изменениям.

Реформы 60—70-х годов XIX в. стимулировали капиталистическое развитие страны. По геостратегическим причинам режим сделал ставку на создание крупной промышленности, которая в 90-х годах XIX в. стала развиваться форсированными темпами. Причем создание промышленного производства в современных крупных формах осуществлялось без достаточно проработанной правовой основы, что, с одной стороны, привело к деформации экономики, а с другой — открывало дополнительные возможности для чиновничьего произвола. Создавая форсированными темпами индустриальную базу, режим сравнительно мало внимания уделял проблеме налаживания сбалансированной рыночной экономики, пропорционального развития всех отраслей народного хозяйства. В итоге скачкообразный промышленный рост привел к усилению диспропорций в экономике как на отраслевом, так и на региональном уровне.

Осуществляя индустриализацию за счет государственной казны (и лишь частично за счет частных займов и иностранных инвестиций), власти уделяли недостаточно внимания развитию частного сектора экономики, средней, мелкой и особенно кустарной промышленности, ибо для них, как правило, средств не оказывалось. Проводя индустриализацию, режим слабо осознавал ее социальные последствия. Новые явления в экономике объективно вели к формированию новых классов, которые уже не вписывались в традиционную систему социальных отношений, являлись носителями новых ценностей. Их интересы все больше расходились с интересами режима.

Модернизация вызвала цепную реакцию и в других сферах общественной жизни. Глобальный характер приобрели демографическая проблема, ее возможные последствия. Несмотря на высокие темпы развития промышленного сектора, он все же оказался не в состоянии "переварить" стремительное увеличение числа свободных рабочих рук. Быстрый рост сельского населения привел к дроблению и умень-

шению крестьянских земельных наделов, пауперизации и люмпенизации. В свою очередь, высокие темпы роста численности горожан (прежде всего за счет выходцев из деревни) не сопровождались их адекватной адаптацией к ценностям городской культуры.

Архаичное законодательство тормозило формирование классов современного гражданского общества. Власти так и не удалось создать важные и необходимые условия социального партнерства как между традиционными классами — сословиями, так и между новыми классами. Более того, в ходе модернизации еще больше обострились как межклассовые, так и внутриклассовые противоречия. Причем новые классы переняли многие "родимые пятна" традиционных классов, в частности "социальный эгоизм", сословную спесь, неуважение к личности и т.п. Характерно, что новые классы, как и традиционные, стремились во что бы то ни стало приспособиться к центральным и местным властным структурам, рассчитывая, с одной стороны, на их поддержку в "проталкивании" своих дел (не гнушаясь при этом дачей взяток), а с другой — не имея собственных сил и опыта улаживания социальных конфликтов — апеллировали к власти за помощью в борьбе с трудящимися. В экономической сфере новые классы потеснили традиционные, которые с явным неудовольствием и скептицизмом воспринимали "безродных и беспородных" нуворишей.

По темпам экономического роста Россия вошла в первую пятерку промышленно развитых стран. Однако экономический рост автоматически не означал улучшения материального положения масс. Именно по качеству жизни Россия занимала одно из последних мест на Европейском континенте. Модернизация в России вела не к нивелировке положения различных социальных страт и созданию столь необходимого для открытого общества среднего класса, а к дальнейшему социальному расслоению российского общества, увеличению доли малоимущих и неимущих слоев, что объективно способствовало нарастанию антибуржуазных тенденций в сознании деревенских и городских "низов", так и не сумевших в своей основной массе адаптироваться к модернизационному процессу. Оказавшись выбитыми из своей привычной "социальной колеи", традиционных устоев и представлений, деревенские и городские "низы" стали питательной средой как для правого, так и для левого радикализма и экстремизма.

Модернизация в полиэтнической России рано или поздно должна была поставить в повестку дня национальный вопрос. Если в XIX в. национальный вопрос (за исключением Польши и Финляндии) находился в латентном состоянии, то в начале XX в. он превратился в общегосударственную проблему, требовавшую оперативного и вместе с тем крайне деликатного решения. Усиление

диспропорций в развитии экономики между метрополией и национальными окраинами, оживление ассимиляторской тенденции со стороны бюрократии способствовали появлению и проявлению сепаратистских тенденций, носителями которых преимущественно стала национальная интеллигенция. Административное рвение русского чиновничества, мало подготовленного к культуртрегерской роли, вызывало нарастание неприязни со стороны формирующихся национальных элит, начавших требовать — сначала робко, а затем все более настойчиво — территориальной автономии, децентрализации власти, вплоть до политического самоопределения и отделения от Российской Империи.

В поликонфессиональной России в поле воздействия модернизации оказались и религиозные проблемы. Модернизация в той или иной мере способствовала активизации процесса секуляризации, стимулировала постановку вопроса о равноправии конфессий, веротерпимости, усилила обновленческие тенденции в церковной и внецерковной интеллигентской среде. И тем не менее сфера конфессиональных отношений оказалась крайне слабо затронутой модернизационным процессом. В отличие от Запада, где конфессии, так или иначе, адаптировались к модернизации, где протестантская религия и этика стимулировали частную инициативу и предприимчивость, в России в силу прочных исторических традиций этого не произошло. Господствующая православная церковь непоколебимо и последовательно отстаивала нравственно-этические ценности христианства, стремилась отгородить свою паству от проникновения чуждых атеистических идей и других "модных" рационалистических влияний.

Модернизация в России ускорила раскол общественного сознания, внесла диссонанс в веками сложившуюся традиционную систему представлений о мире, добре и зле, о чести и справедливости. Модернизация способствовала усилению конфронтации в российском обществе, окончательно расколола его по идейно-политическому, а после 1905 г. и по партийному принципу. Кружковщина, являвшаяся одной из характерных черт российской общественности XIX в., сменилась многопартийностью, которая, по существу, являлась выражением той же кружковщины, но в более значительных масштабах и более конфронтационных формах.

Образно говоря, общественная атмосфера в России на рубеже двух веков напоминала уже готовый к взрыву "идеологический" и "партийный" котел. Общественное сознание представляло собой причудливую смесь разного рода идеологий, политических тенденций и направлений, многочисленных проектов переустройства страны, которые в своей совокупности превосходили возможные и реально осуществимые альтернативы исторического развития. Предельно обостренная конфронтационность на уровне обществен-

ного сознания не позволяла выработать единую общенациональную идеологию, выражавшую ведущую тенденцию общественного развития России, ее подлинно национальные интересы. В конечном счете модернизация привела к идеологической, политической и партийной дезинтеграции российского общества, оказавшегося неспособным найти компромиссный вариант решения объективно назревших проблем мирным, реформистским путем. Потребовался мощный социальный стихийный взрыв, под обломками которого погибли традиционные и часть новых классов, представители многих идеологических и политических направлений и течений.

Представляя собой органическую часть общемирового процесса, модернизация в России способствовала ее включенности в единую мировую народнохозяйственную систему. Одновременно она предельно обнажила геополитические и геостратегические противоречия в мире. Причем эти противоречия между отдельными странами или блоками стран оказались чреваты разноуровневыми конфликтами, которые разрешались не только дипломатическими, но и военными средствами. Выскажу предположение, что среди различных форм реализации модернизационного процесса, "эволюционная, революционная, комбинированная", видимо, следует назвать и войны (мировые и локальные), которые в XX в. оказали самое непосредственное влияние на все стороны общественного развития.

Однако квинтэссенцией проблем, выявленных и обостренных модернизацией, все же являлась сфера политики, где противоречия между авторитарным режимом и обществом достигли своего предела. На политическом уровне проявилась вся сумма противоречий, возникших между новыми явлениями в экономике, социальной сфере и старой самодержавной системой. Центральной осью конфликта между авторитарным режимом и обществом стали две взаимосвязанные проблемы: борьба за власть и борьба за передел собственности в аграрном секторе, который в своей основе оставался традиционным и слабо вовлеченным в систему рыночных отношений. В отличие от предшествующих столетий, когда эти проблемы решались за счет лишь некоторых передвижек внутри властных структур, некоторого перераспределения собственности между представителями одного класса — дворянства. В начале XX в. речь уже шла о разделе или даже полном переходе политической власти в руки новых классов, порожденных и укрепивших свое экономическое могущество в процессе модернизации.

Авторитарный режим стремился во что бы то ни стало сохранить за собой монополию на власть, монополию на казенную и дворянскую собственность, которые являлись его мощной экономической основой, продолжать удерживать в руках административно-полицейского аппарата контроль за своими подданными. Пара-

докс истории как раз заключался в том, что авторитарный режим, инициировав "сверху" модернизацию, породил в лице новых классов и социальных страт собственных могильщиков, претендующих на власть и собственность.

Характерно, что в России в эпицентре этой борьбы оказались две страты — бюрократия, олицетворявшая авторитарный режим и сосредоточившая в своих руках нити управления и контроля, и интеллигенция, традиционно формирующая общественное мнение и обладающая силой идеологического и культурного влияния на общество. Дело в том, что созданные "сверху" как традиционные классы-сословия, а затем инициированные таким же путем новые классы, были прочно "привязаны" в буквальном смысле слова к государственной казне, бюрократическому аппарату, ведавшему распределением государственных заказов, ссуд, предоставлением льгот и т.п. Все это сковывало частную инициативу и предприимчивость, делало оба класса (и дворянство, и буржуазия) общественно инфантильными и политически инертными. В результате ни традиционные, ни новые господствующие классы так и не смогли создать собственные устойчивые и активные политические партии, предпочитая добиваться защиты своих интересов через сословно-корпоративные организации (например, "Совет объединенного дворянства", съезды промышленников и торговцев и т.п.), а также через личные связи и знакомства с представителями камарильи и бюрократии. Предпочитая брать инициативу в проведении преобразований исключительно на себя, авторитарный режим с завидной последовательностью, с большим недоверием и неудовольствием относился к любым инициативам, идущим со стороны общества, рассматривая подобного рода действия с его стороны как "подрыв" доверия к власти, сомнение в ее творческой потенции, "мудрости" бюрократического аппарата, претендующего на роль единственного выразителя общегосударственных интересов страны.

В свою очередь, всесословная интеллигенция, находившаяся с момента своего возникновения в перманентной оппозиции к власти, считала себя единственной выразительницей передовых идей, ведущих тенденций общественного прогресса, представительницей интересов народа и т.п. Рассматривая себя в качестве духовной элиты нации, интеллигенция, как и бюрократия, претендовала на ведущую роль в общественно-политической жизни страны.

Таким образом, открытое столкновение между бюрократией и интеллигенцией было неизбежно. В ходе этой борьбы бюрократия опиралась на разветвленный административно-полицейский аппарат, максимально использовала другие государственные институты, включая армию, стремилась привлечь на свою сторону консер-

вативные и традиционно мыслящие слои дворянства, буржуазии, купечества, городского мещанства, апеллировала к инстинктам той части "низов", которая оказалась выбитой из привычной жизненной колеи модернизационным процессом. Однако с углублением модернизации социальная опора авторитарного режима размывалась. В процессе модернизации произошла, образно говоря, социальная коррозия как самой бюрократии, которая становилась все более бессословной, так и социальных сил, поддерживающих режим. По мере того как власть утрачивала историческую инициативу, теряла идеологический и политический контроль над своими подданными, ее социальная опора сужалась.

Сложным и противоречивым было положение интеллигенции, идеологически дифференцированной на разные политические группировки, ведущие друг с другом конфронтационную борьбу за выбор пути общественного развития России, методы достижения поставленной цели. Причем степень конфронтационности среди представителей различных интеллигентских политических партий была значительно выше, чем даже в рядах "партии власти". Не имея прочной социальной опоры, интеллигенция пыталась привлечь на свою сторону как новые (рабочие, служащие), так и традиционные (крестьянство, городское мещанство) слои, внедряя в их сознание разновекторную идеологию, различные партийные программы. На рубеже двух веков в расколотоое общественное сознание хлынул такой поток информации о путях и методах преобразования России, что оно оказалось не в состоянии ее не только осмыслить, но даже просто воспринять. Раскачка интеллигенцией традиционного сознания в условиях противостояния власти и общества оказалась чреватой мощными политическими и социальными катаклизмами, приведшими Россию на грань национальной катастрофы. Разбушевавшаяся стихия "низов", где превалировали инстинкты, а не какие-либо интеллигентские программы переустройства, смела и старый, авторитарный, режим, старые и новые господствующие классы, а также носительницу "модных" современных идей — интеллигенцию.

Таким образом, в конкретных исторических условиях середины XIX — начала XX в. модернизация в России привела к системному общенациональному кризису. По сравнению с западноевропейскими странами, где модернизация достигла своей цели (были созданы рыночная экономика, гражданское общество, правовое государство), в России модернизация своей основной задачи в полном объеме не решила. Более того, в стране произошло наложение противоречий разных исторических эпох, которые, соединившись в единое и неразрывное целое, привели в 1917 г. к мощному социальному взрыву.